Ю. БАЛТРУШАЙТИСЪ

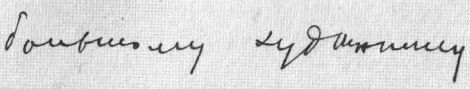
ГОРНАЯ ТРОПА

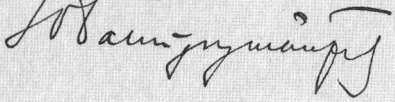
ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

E quindi uscimmo a riveder le stelle
Dante

МОСКВА
«К-ВО СКОРПІОНЪ»
MDCCCCXII

Ю. Балтрушайтисъ





Ю. Балтрушайтисъ

Типографія В. И. Воронова. Москва, Моховая, д. кн. Гагарина.

Ю. Балтрушайтисъ

Горная Тропа

Москва—1912
Книгоиздательство «Скорпіонъ»

ТОГО ЖЕ АВТОРА

Земныя Ступени. Элегіи, пѣсни, поэмы. Москва 1911. II. 1 р. 50 к.

готовятся къ печати:

Спутники Колумба. Трагическая поэма въ трехъ видѣніяхъ съ прологомъ.

Шелестъ Травъ. Разсказы.

Средь дѣтей ничтожныхъ міра. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

Марии Б.

Indi un altro vallon mi fu scoverto.
Dante.

To see a world in a grain of sand...
William Blake.

Af klarsynt dröm, af matt förnuft,
af eld och vatten, jord och luft!
Per Hallström

АЛЬПІЙСКІЙ ПАСТУХЪ.

По высямъ снѣгами
Увѣнчанныхъ горъ,
Какъ въ радостномъ храмѣ,
Блуждаетъ мой взоръ...

По склонамъ ихъ вѣчнымъ,
Съ межи на межу,
Съ напѣвомъ безпечнымъ
Я стадо вожу...

На свѣтлыхъ откосахъ
Все глубже мой хмель...
Отъ неба мой посохъ,
Отъ неба—свирѣль...

Внѣ смертной тревоги,
Какъ ясность ручья,
Отъ Бога—о Богѣ—
И пѣсня моя...

Онъ тайною вѣчной
Мой разумъ зажегъ
И зовъ безконечный
Вложилъ въ мой рожокъ...

И святъ надъ горами
Звонъ плача его,
Какъ колоколъ въ храмѣ
Творца моего...

НЫНѢ И ПРИСНО.

А. Скрябину.

Все, что трепещетъ иль дремлетъ
Въ тайномъ кругу бытія,
Строго отъ вѣка объемлетъ
Мѣра моя.

Слитность и вздохъ одинокій,
Колосъ и цвѣтъ на лугу—
Смертныя грани и сроки
Я стерегу.

Тотъ, кто въ незнаньи безпеченъ,
Тотъ, кто прозрѣньемъ томимъ—
Каждый незримо отмѣченъ
Знакомъ моимъ...

Правя земною игрою,
Вскинувъ—смиряя волну,
Я разрушаю и строю,
Сѣю и жну.

Солнце въ свѣтающемъ небѣ,
Искра въ ночной тишинѣ—
Каждый раскрывшійся жребій
Замкнутъ во мнѣ.

Грянувъ, какъ молотъ суровый,
Въ вѣчномъ и тщетномъ бою,
Я расторгаю оковы,
Цѣпи кую.

Мука влекомыхъ на плаху,
Ласка мгновеній людскихъ,
Все умолкаетъ по взмаху
Крыльевъ моихъ!

ДРЕВНЕЕ СКАЗАНЬЕ.

To Edward Gordon Craig Esq.

Вначалѣ былъ лишь сонъ весенній
И тишина,
И не вскрывался трепетъ тѣни
Въ судьбѣ зерна...

И въ часъ расцвѣта, въ часъ зачатій,
Вступая въ путь,
Еще безъ плача объ утратѣ
Вздымалась грудь..

Еще въ кругу забвенной нѣги
Текли часы,
И пили стройные побѣги
Алмазъ росы...

Но рогъ, зовущій тайну къ яви,
Все звонче пѣлъ,
И дрогнулъ міръ въ лазурной славѣ,
И день вскипѣлъ...

И—лишь дремавшая у Бога—
Глухой волной,
Вошла великая тревога
Въ просторъ земной...

И, тѣнь познавъ, сквозь трепетъ боли,
Вилась тропа—
Туда, гдѣ меркнетъ стебель въ полѣ
И ждетъ серпа...

ВОСХОЖДЕНІЕ.

А. Скрябину.

Плетусь одинъ, безлюднымъ переваломъ,
Изъ свѣта въ свѣтъ — сквозь свѣтъ отъ вѣчныхъ стѣнъ...
Неизреченно пламя въ сердцѣ маломъ,
И тайный жаръ въ душѣ неизреченъ!

Мгновенія—какъ молніи... Въ ихъ смѣнѣ
Нѣмѣетъ вздохъ отдѣльности во мнѣ...
И въ смертной долѣ выше нѣтъ ступени,
И ярче нѣтъ видѣнья въ смертномъ снѣ!

Ни жалобы, ни боли своевольной...
Ни ига зыбкой радости людской...
Лишь кроткій свѣтъ молитвы безглагольной,
И знаніе безъ мысли, и покой...

И снова духъ, какъ пилигримъ опальный,
Восходитъ въ храмъ пророческой Молвы,
Гдѣ ширь земли—какъ жертвенникъ вѣнчальный
Подъ звѣзднымъ кровомъ Бога синевы,—

И гдѣ, внѣ смерти, таетъ въ кроткомъ свѣтѣ,
Въ жемчужныхъ даляхъ бездны золотой,
Вся явь вещей и бренный трудъ столѣтій,
Какъ легкій дымъ кадильницы святой...

МОЛИТВА.

С. А. Полякову.

Забвенья, забвенья! Всей малости крова!
Всей скудной, всей жалкой отрады людской—
Усталымъ отъ дали пути рокового,
Бездомнымъ, измученнымъ звѣздной тоской!

Мгновенья покоя средь вихря мгновеній—
Свершающимъ заповѣдь зыбкой волны,
Во мракѣ безъ искры, средь зноя безъ тѣни
Всей смертною кровью питающимъ сны!

Убѣжища бѣдной душѣ, осужденной
На горестный подвигъ томленья въ пыли,
И жребій изгнанья, и трепетъ безсонный
На вѣчномъ распутьѣ въ пустыняхъ земли!

Ночлега влачащимъ свой посохъ желѣзный
И боль и убожество смертной сумы,
И ждущимъ забвенья отъ выси, отъ бездны,
Отъ горькой повторности свѣта и тьмы!

КРУГЪ ВѢКОВѢЧНЫЙ

Валерію Брюсову.

Близится ночь къ разсвѣту...
Ясенъ шелестъ листвы...
Строится стебель къ цвѣту,
Цвѣтъ лишь ждетъ синевы...

Ширитъ заря тревогу,
Зыбко искрясь въ пыли...
Тянется сердце къ Богу
Съ темнымъ вздохомъ земли...

Льется, какъ пламя, въ воды
Синій, радостный, день—
Холитъ земные всходы,
Въ полдень, свѣтлая тѣнь...

Все, что цвѣло—боролось,
Къ часу тайнаго сна
Вскинулось въ высь, какъ колосъ,
Съ малой данью зерна...

Клонится путь къ ночлегу,
Меркнетъ и тѣнь и зной...
Слава дневному бѣгу!
Слава тайнѣ ночной!

ВЕЧЕРЪ ВЪ ГОРАХЪ.

С. А. Полякову.

Стелетъ, зыблетъ лунный прахъ
Тишь вечерняя въ горахъ,
Въ сонномъ царствѣ вѣчныхъ льдовъ,
Бѣлыхъ замковъ, городовъ...

Лишь средь каменныхъ оградъ
Глухо воетъ водопадъ,
И бѣлѣютъ вдоль скалы
Пыльно взрытые валы...

Дремлютъ башни и зубцы...
Глухи храмы и дворцы,
И обходитъ ихъ порогъ
Суета людскихъ дорогъ...

У воротъ ихъ, строясь въ рядъ,
Стражи бѣлые стоятъ,
И сверкаетъ ихъ броня
Зыбью луннаго огня...

Стелетъ звѣздный свой просторъ
Тишь вечерняя средь горъ,
Гдѣ раскрылся подъ луной
Миръ и холодъ неземной...

МОЩЬ МАЛОСТИ.

К. Бальмонту.

Мыслю все чаще
Въ свѣтѣ мгновенья—:
Выше и слаще
Путь отреченья!

Замыслы ломки,
Счастіе хило...
Въ сѣрой котомкѣ—
Правда и сила...

Думы безродныхъ
Въ мірѣ утраты
Знаньемъ свободныхъ
Будутъ богаты...

Въ даляхъ вселенной
Встрѣтитъ бездомный
Миръ неизмѣнный,
Свѣтъ незаемный...

Въ пору недоли
Въ сердцѣ усталомъ
Будутъ безъ боли
Слезы о маломъ...

Горечь тревоги
Воля осудитъ—
Въ смертной дорогѣ
Смерти не будетъ!

КОЛОКОЛЪ.

Валерію Брюсову.

Высился, въ славѣ созвучій,
Съ пѣсней вѣнчально-святой,
Колоколъ вѣщій, могучій,
Въ пламени утра литой...

Въ звонѣ на версты и мили,
Въ зовѣ за смертный предѣлъ,
Сильный, гремѣлъ онъ о силѣ,
Тайный, о тайнѣ гудѣлъ...

Много надеждъ заповѣдныхъ,
Чаяній свѣта во мглѣ,
Въ трепетѣ устъ его мѣдныхъ
Стройно звучало землѣ...

Но, раздаваясь все строже,
Часа тоскующій крикъ
Отзвукомъ суетной дрожи
Въ вѣчное пѣнье проникъ...

Тайная горечь безъ срока
Утренній звонъ облекла,
И—зарыдавъ одиноко—
Стала проклятьемъ хвала...

ВЕЧЕРНЕЕ ВИНО.

К. Бальмонту.

Знаю цѣпи, помню крылья,
Мигъ побѣды, часъ господства,
Вѣкъ безплоднаго усилья,
Вѣчность пени и сиротства...

Помню золото разсвѣта,
Знаю дымъ и кровь заката,
Помню пламя, пламя цвѣта,
Трепетавшее когда-то...

Знаю, знаю кубокъ желчи,
Горечь смертнаго томленья,
Смертной жажды обликъ волчій,
Блѣдный призракъ утоленья...

Знаю трепетъ солнца въ пѣнѣ,
Знаю гаснущія очи
И великія ступени
Въ безпредѣльность звѣздной ночи...

ГОРНАЯ ТРОПА.

Alla Donna Eva
Kühn-Amendola.

Лишь высь и глубь!.. Лишь даль кругомъ... Напрасно
Дерзаю взглядомъ, въ полдень, въ часъ безгласный,
Хотя бъ на мигъ измѣрить кругъ земной
И все пыланье неба надо мной...

Лишь глубь... Лишь даль, гдѣ вьется путь мой малый,
Что я свершалъ, карабкаясь на скалы,
Хоть часто круты были грани ихъ
Для слабыхъ силъ, для смертныхъ ногъ моихъ...

Вотъ, сѣрый склонъ, извѣданный, откуда
Глядѣлъ я въ ширь, возникшую, какъ чудо,
Чей пестрый міръ уже неразличимъ,
Какъ все, что я считалъ въ пути большимъ...

Вотъ, часть стези, гдѣ слышалъ я впервые,
Какъ билась смерть о скалы вѣковыя,
Сметая въ долъ, отъ грани облаковъ,
Утесы, зданья, кости смѣльчаковъ...

И снова даль! Мой взоръ уже безсиленъ
Провѣрить смѣну срывовъ и извилинъ,
Которыхъ я почти не узнаю,
Въ безмолвіи, гдѣ въ полдень я стою...

И тщетно духъ, отъ мига отрѣшенный,
За кругомъ кругъ, вскрываетъ міръ бездонный,
Куда нельзя проникнуть свѣтомъ въ тьму
Тоскѣ людской, гаданью моему...

И сколько бъ думъ сознанье ни включало
Въ свой дѣтскій счетъ, ихъ мѣра—лишь начало
Безмѣрности, гдѣ молкнутъ времена,
Какъ легкимъ вихремъ взрытая волна...

ПРИЗЫВЪ.

А. Скрябину.

Сквозь пыль и дымъ, и шумъ и звонъ,
Взвивайся, Духъ, прервавъ свой сонъ,—

И, весь—дыханіе зари,
Надъ смертнымъ жребіемъ пари!

Надъ суетой сердецъ людскихъ
И чахлою любовью ихъ,

Надъ всѣмъ, что—горечь, трепетъ, бой,
Теряйся въ безднѣ голубой,

И въ синевѣ, гдѣ меркнетъ цвѣтъ,
Гдѣ ни луны, ни солнца нѣтъ,—

У зыбкой грани смертныхъ дней,
За рубежомъ ночныхъ тѣней,

Увидишь Ты запретный край,
Гдѣ зрѣетъ звѣздный урожай,—

И, только пламя, только духъ,
Рождаясь вновь, рождаясь вдругъ,

Войдешь, тоскуя и любя,
Во храмъ Изгнавшаго тебя!

БАШНЯ БЕЗМОЛВІЯ.

К. Бальмонту.

Пустъ мой замокъ одинокій
На обрывистой скалѣ,
Гдѣ витаетъ сонъ глубокій
Въ безраздѣльной полумглѣ...

Глухи каменныя стѣны,
Въ нескончаемой тѣни
Пережившія всѣ смѣны,
Переждавшія всѣ дни...

Глухъ и остовъ башни темной,
Гдѣ лишь зыблется трава,
И заржавѣлъ мостъ подъемный
Надъ зеленой тиной рва...

Рѣдко въ мертвый домъ безъ кровли,
Въ кровъ безъ оконъ и дверей,
Льется въ часъ вечерней ловли
Шумъ и пискъ нетопырей...

Рѣдко, вдругъ врываясь въ залы,
Жутко зыбля дымъ огня,
Вихрь случайный, шорохъ малый,
Дышитъ—шепчетъ вкругъ меня...

Дремлетъ каждый уголъ тѣсный
Въ паутинѣ и пыли,
И пустыненъ свѣтъ небесный
Отъ пустынности земли...

Тихъ мой замокъ... Сонъ великій—
Въ запустѣньи стѣнъ его,
Гдѣ лишь бродитъ хохотъ дикій,
Зовъ проклятья моего!

ВИДѢНІЕ.

А. Скрябину.

Мелькаетъ нѣкій Храмъ святой
Сквозь дымъ временъ...
Отъ міра огненной чертой
Онъ отдѣленъ...

Его святые алтари—
Какъ звѣздный щитъ,
Гдѣ ярче утренней зари
Потиръ горитъ...

Все пѣнье нашихъ думъ и словъ,
Нашъ смертный жаръ,
Въ хвалѣ его колоколовъ—
Одинъ ударъ...

Отъ слуха скованныхъ въ пыли
Ихъ звонъ далекъ...
И ропотъ дня и гулъ земли
Его облекъ...

И вѣчность горькихъ ступеней,
Сквозь пыль, сквозь тьму,
Изъ міра скорби и тѣней
Ведетъ къ Нему.

И лишь цѣною всѣхъ тревогъ,
Всѣхъ слезъ, потерь,
Увидитъ міръ Его порогъ,
Откроетъ дверь...

ДНЕВНОЕ СІЯНІЕ.

A Giovanni Papini.

Въ полдневный часъ, цѣлуя алчно землю,
Съ молитвенной и трепетной тоской
Я славлю міръ и жребій свой пріемлю,
И всякій долгъ и всякій крестъ людской...

И знаю—: святъ трудъ молота и плуга,
И праздный цвѣтъ и важный звонъ серпа,
И свѣтъ росы средь утренняго луга,
Какъ вся земная пестрая тропа...

Все та же явь—: осенній вихрь надъ нивой
И стройный стебель въ стройный часъ весны,
Сѣдыя думы старости ворчливой
И юныхъ дней несбыточные сны...

Равно достойны свѣта воздаянья—
Суровый потъ къ землѣ склоненныхъ лицъ,
Въ огнѣ вѣковъ нетлѣнныя дѣянья
И мудрый лепетъ вѣщихъ небылицъ...

Мгновенное и длительность безъ мѣры,
Объятое смятеніемъ и сномъ,
И зыбь полей и въ полѣ камень сѣрый —
Живыя зерна въ колосѣ одномъ...

БУРЯ.

С. А. Полякову.

Только вихри! Только волны!
Зыбь и зыбь, и взрывы пѣны
Въ грозномъ спорѣ дикой мглы...
Свистъ и звонъ, и вой безъ смѣны,
Хохотъ бездны, грома полной,
Низвергающей валы...

Вспомни, сердце, часъ крылатый,
Пламя воли беззавѣтной
Въ пѣньи утреннихъ шаговъ—
Міръ раскрытый, міръ запретный,
И громовые раскаты
Мигъ твой славившихъ роговъ!

Только зыбь огня во мракѣ!
Только блескъ кровавый, бѣлый,
Тьму пронзающихъ мечей,—
Ярость молній, крылья, стрѣлы,
Кольца, пламенные знаки,
Взмахи огненныхъ бичей...

Ринься, духъ мой, въ хаосъ дикій,
Въ вихрь родимый, заповѣдный,
Все сплетающій въ волну,
Гдѣ, рождаясь вновь побѣдно,
Ты расторгнешь сонъ великій
Въ смертномъ горестномъ плѣну!

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЯ.

A Giuseppe Vannicola.

Желтѣетъ колосъ—пробилъ срокъ!
Угрюмый рабъ, готовь оброкъ...
Кончая трудъ, и стонъ и дрожь,
Богатства Бога пріумножь!

Съ молитвой руки въ высь воздѣнь,
И что поилъ ты въ долгій день,
И что лелѣялъ въ часъ зари—
Въ земную мѣру собери...

Свой вѣчный вздохъ, свой горькій потъ,
И трепетъ всѣхъ твоихъ хлопотъ,
Твой долгъ Небесному Царю,
Неси къ святому алтарю...

И вспыхнувъ самъ въ кострѣ твоемъ,
Твой дымъ надъ жертвеннымъ огнемъ,
Какъ малый даръ твоихъ полей,
Въ вечернемъ заревѣ разлей!

ЗАБВЕНІЕ.

Смыкая двѣ ели,
То быстро, то плавно,
Мелькаютъ качели
Въ игрѣ своенравной...

То вправо, то влѣво,
Со скрипомъ подбросятъ,
И юношу съ дѣвой
Изъ міра уносятъ...

Свѣтло и раздольно
Паденье съ размаха...
И сладко и больно
Отъ счастья, отъ страха...

Въ волнѣ заповѣдной
Грудь дѣвы чуть дышитъ,
И юноша блѣдный
Не видитъ, не слышитъ...

Ихъ носятъ качели
И въ вихрѣ и въ дымѣ—
И солнце средь елей
Качается съ ними...

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

A Giovanni Amendola.

Кончилъ въ даляхъ Бога
Валъ свой шумный бѣгъ...
Зимняя дорога
Стелетъ тихій снѣгъ...

Мигъ и мигъ—двѣ тѣни...
Равенъ часу часъ...
Въ ихъ жемчужной смѣнѣ
Искрится алмазъ...

День и ночь средь снѣга—
Два глухихъ звена,
Два нѣмыхъ побѣга
Бѣлаго зерна...

Вскрыла въ даляхъ Бога
И въ груди людской
Бѣлая дорога
Бѣлый свой покой...

Кротче вздохъ угрюмый
Въ блескѣ зимнихъ дней...
Усыпляетъ думы
Ровный скрипъ саней...

Смутно и безбольно
Снится даль весны
Въ вѣяньи раздольной
Бѣлой тишины.

ДЕРЕВО.

Тянутся вѣтви къ области горней,
Къ звѣздамъ въ безтрепетной мглѣ...
Скрыты глубоко темные корни,
Тайною сѣтью, въ землѣ...

Не потому ли въ пору недоли
Свѣтитъ душѣ синева—
Въ свѣтѣ безпечномъ, не оттого ли
Сумрачно шепчетъ листва!

Въ вешнюю пору, въ часъ быстротечный,
Въ сладостный мигъ полноты,
Пиръ преходящій, пиръ вѣковѣчный,
Ярко пируютъ цвѣты...

Въ зимнихъ сугробахъ скорбны побѣги...
Въ зимнихъ вѣтвяхъ—тишина...
Сказка о солнцѣ, сказка о снѣгѣ—
Два неразгаданныхъ сна...

То-то съ тревогой, въ часъ изумрудный,
Зыблетъ сіянье росу!
То-то порою больно и трудно
Въ Божьемъ великомъ лѣсу!

КОРМЧІЙ.

Въ ярости бурь, въ океанѣ,
Старецъ сѣдой у руля
Держитъ въ безтрепетной длани
Жребій и бѣгъ корабля...

Въ строгомъ служеніи дали,
Вѣчны въ случайности дней
Древніе пальцы изъ стали,
Пламя подъ снѣгомъ бровей...

Въ бѣгѣ сквозь пѣну, сквозь брызги,
Взрытыя синею тьмой,
Строенъ въ ихъ свистѣ, въ ихъ визгѣ,
Кормчій глухой и нѣмой...

Только въ смятеніи дикомъ
Вскинутыхъ къ небу валовъ
Чудится, слитый съ ихъ крикомъ,
Хохотъ проклятья безъ словъ...

Волею, съ бурей союзной,
Мчитъ молчаливый Старикъ
Утлый, громоздкій и грузный,
Дрожью охваченный бригъ,—

Мощью, не знающей мѣры,
Въ морѣ, не знающемъ дна,
Гонитъ Онъ трепетъ Галеры
Къ берегу мира и сна...

ДЫМЪ.

А. Скрябину.

Въ древнемъ храмѣ Жертвы вѣчной,
Предъ волхвомъ сѣдымъ,
Ярко пламя, безконечно
Рѣетъ легкій дымъ...

Точно зыбкій и лѣнивый
Бѣгъ часовъ и лѣтъ,
Льются синіе извивы,
Зыбля тьму и свѣтъ...

Мигъ и вѣкъ, струя святая
Длитъ свой токъ живой,
Строясь къ солнцу, рѣя, тая,
Слившись съ синевой...

Носитъ въ пламя Жрецъ упорный
Смолы и елей,
Воскъ и чаши крови черной
И цвѣты полей...

Въ древнемъ храмѣ вѣчной Дани,
Точно зыбь въ волнѣ,
Таетъ плоть, теряя грани
Въ жертвенномъ огнѣ...

Рѣетъ пламя, неустанно
Зыбля свѣтъ и тьму,
Завершая міръ, вѣнчанный
Въ жертвенномъ дыму...

ВОЗВРАТЪ.

С. А. Полякову.

Брожу опять по старымъ ступенямъ,
И—только въ мигъ иной—
Шепчу привѣтъ и свѣту и тѣнямъ,
Въ далекій день мелькавшимъ предо мной...

Какъ новый сонъ, воскресла явь въ быломъ,
Сплетая жизнь, ея покой и споръ,
Въ таинственный, таинственнымъ жезломъ
Начертанный узоръ...

И явенъ въ часѣ жребій дней и лѣтъ,
И мѣря вновь ихъ дрожь,
Я узнаю, что гроба въ мірѣ нѣтъ,
И чувствую, что призракъ смерти—ложь...

Какъ ликъ луны средь бѣга облаковъ,
Пылая, хмурясь, зыбокъ мигъ во мнѣ,
Но дремлетъ быль въ безсмертіи вѣковъ,
Какъ новый цвѣтъ въ зернѣ...

Изъ вихря въ вихрь, въ просторѣ ледяномъ,
Скользитъ мой духъ живой,
И я на часъ, на явь, что будетъ сномъ,
Безпомощно качаю головой!

БЫСТРОТЕЧНОСТЬ.

Часъ — какъ легкая стрѣла...
Мигъ въ немъ—будто взмахъ крыла...
Вспыхнулъ свѣтъ, и снова мгла!

Ярки искры, вѣкъ ихъ малъ!
Взрылся листъ, что вихрь сорвалъ,
Покружился и—упалъ...

Часъ забвенья и бѣда,
Бѣгъ ихъ, слѣдъ ихъ, череда—
Какъ на мельницѣ вода...

Хлынулъ валъ, ударилъ въ грудь,
Ослѣпилъ, и снова въ путь,
Не успѣешь зачерпнуть!

Какъ бы ни былъ сонъ глубокъ,
Оскудѣетъ въ малый срокъ—
Размотается клубокъ...

Какъ средь зыби бытія,
Къ солнцу взрытая струя,
Распадется жизнь моя!

ГОСТЬЯ.

К. Бальмонту.

Мнѣ вѣдома Гостья, что тѣнью нѣмою
Приходитъ, устами изъ снѣга дыша...
И горько, на грани межъ свѣтомъ и тьмою,
Какъ слабое пламя, трепещетъ душа...

Сѣда и въ морщинахъ, стройна не по лѣтамъ,
Средь званыхъ незваная, дочь темноты
Съ холодной улыбкой и съ грустнымъ привѣтомъ
Киваетъ на яства, на кубки, цвѣты...

Смиренная схимница, кроткая съ виду,
Безшумной походкой обходитъ мой домъ
И въ яркихъ палатахъ поетъ панихиду,
На пиршествѣ шумномъ, по сердцѣ живомъ...

И пепелъ и блѣдность нисходятъ на лица
Умолкшихъ, мгновенно застывшихъ гостей,
И слышится въ домѣ, гдѣ ладанъ дымится,
Глухая трещотка изъ мертвыхъ костей...

И—гордый хозяинъ—и самъ я блѣднѣю,
Подъемлю тяжелую чашу свою,
И кланяюсь Тѣни и горестно съ нею
Отходную пламени Часа пою...

E quindi uscimmo a riveder le stelle

Dante.

Bring me my chariot of fire!

William Blake.

Hear the loud alarum bells—
Brazen bells!

Edgar Poe.

ВЪ МОРѢ.

Въ безбрежность дня
Одинъ плыву—
Въ кольцѣ огня,
Сквозь синеву!

Въ лихихъ валахъ
Дороги нѣтъ...
Ихъ зыбкій прахъ
Замелъ мой слѣдъ...

Весь съ мигомъ слитъ,
Мой легкій челнъ
Легко скользитъ
По волѣ волнъ...

Разсвѣтный хмель
Надъ синей тьмой,
Моя свирѣль
Да жребій мой,—

Да гордый умъ
Внѣ смертныхъ узъ
Да прихоть думъ—
Вотъ, весь мой грузъ!

Просторъ валовъ,
Ихъ зыбкій снѣгъ—
Мой вѣрный кровъ
И мой ночлегъ...

Все—свѣтъ, покой,
Въ моемъ кругу,
И дымъ людской
На берегу!

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ.

Текутъ, текутъ песчинки,
Въ угоду бытію,
Крестины и поминки
Вплетая въ нить свою...

Упоренъ бѣгъ ихъ сѣрый,
Одинъ, что свѣтъ, что мгла...
Судьба для горькой мѣры
Струю ихъ пролила...

И въ смѣнѣ дня и ночи,
Скользя, не можетъ нить
Ни сдѣлать боль короче,
Ни сладкій мигъ продлить...

И каждый, кто со страхомъ,
Съ тоской, на жизнь глядитъ,
Дрожа надъ зыбкимъ прахомъ,
За убылью слѣдитъ,—

Слѣдитъ за нитью тонкой,
Тоской и страхомъ живъ,
Надъ малою воронкой
Дыханье затаивъ!

РАЗДУМІЕ.

Жизнь мельницы въ движенье вихрь приводитъ,
А смертный жребій—боль...
Блаженъ, кто въ ней, служа судьбѣ, находитъ
Свой скудный хлѣбъ и соль!

Весь медъ цвѣтка въ свой домъ пчела уноситъ,
А цвѣтъ души—любовь...
Блаженъ, кому она свой трепетъ броситъ
Въ пустынный духъ и кровь...

Надъ бездной ночи властвуетъ зарница,
А сердцемъ правятъ сны...
Блаженъ, блаженъ, чья полночь осѣнится
Сверканьемъ ихъ волны...

Пучину водъ приходъ весны вскрываетъ,
Глубь міра—горечь думъ...
Блаженъ, кто снѣгъ познанья призываетъ
На праздный жаръ и шумъ!

ВЪ ГОРАХЪ.

Спятъ вѣчныя горы... И нѣмы
Ихъ выси... И строенъ ихъ рядъ...
Лишь ярко ихъ снѣжные шлемы,
Забрала и копья горятъ...

И молкнетъ въ лазурномъ ихъ дымѣ
Весь трепетъ долинный и гулъ...
И полдень, раскрытый надъ ними,
Въ ихъ рамѣ зубчатой уснулъ...

Лишь плавно, цѣпляясь за кручи,
Гдѣ строитъ свой храмъ тишина,
Плывутъ, чередуются тучи,
Какъ звенья ихъ бѣлаго сна...

И въ область томленья и пени,
Къ порогу тревоги людской,
Нисходятъ ихъ строгія тѣни,
Ихъ свѣтлая тишь и покой...

И въ мірѣ безсмѣнной недоли
Я снова молюсь бытію,
И клятву безропотной боли
Безмолвнымъ вершинамъ даю...

РАВНОДУШІЕ.

Очерствѣло сердце въ спорѣ и борьбѣ—
Сердцу ближняго на горе, какъ себѣ...

Стонутъ люди, въ мірѣ всюду льется кровь...
Тщетно месть взываетъ къ чуду, и любовь...

Пусть и мнѣ средь криковъ боли не до сна,
Но душа ко всякой долѣ холодна...

Вѣдь, въ великомъ станѣ малыхъ столь же малъ,
Я тоской сердецъ усталыхъ самъ пылалъ,

И, теряя свѣтъ мгновеній въ тотъ же срокъ,
Былъ не меньше ихъ средь тѣни одинокъ...

Стонутъ люди, поникая подъ крестомъ,
Но радѣетъ грудь людская о пустомъ...

Вьется въ даль, теряя вѣру, ихъ стезя,
И тужить по ихъ примѣру мнѣ нельзя...

Я живу, любя тревогу, свѣтъ и тьму,
Лишь служа судьбѣ и Богу моему..

DEO IGNOTO.

Памяти Н. Л. Тарасова.

Жертву живую
Ведутъ къ алтарю...
Въ сумрачномъ храмѣ
Не я ли горю!

Грозно мелькаетъ
Сквозь жертвенный дымъ
Древняя жрица
Со взглядомъ сѣдымъ...

Тянется къ жертвѣ
Костлявой рукой—
Горестный камень
Ждетъ крови людской!

Мечется пламя
И блещетъ, дрожа,
Алымъ пыланьемъ
На стали ножа...

Въ храмѣ пустынномъ
Безмолвенъ и строгъ,
Каменноликій,
Невѣдомый Богъ...

Зарево Смерти
Надъ зыбкимъ огнемъ
Красной улыбкой
Пылаетъ на Немъ...

Жребій свершился,
И глухо легла,
Жизнь замыкая,
Великая мгла...

Смерклось, и въ храмѣ
Таинственно пустъ
Жертвенный кубокъ
У каменныхъ устъ!

КАРУСЕЛЬ.

Въ часъ пустынный, въ часъ мятели,
Въ легкомъ бѣгѣ карусели,
Въ вихрѣ шумномъ и лихомъ,
Въ вечеръ зимній, въ вечеръ сѣрый,
Мчатся дамы, кавалеры,
Кто—въ каретѣ, кто—верхомъ...

Зыбля прахъ, взрывая иней,
Князь съ маркизой, графъ съ княгиней,
То четою, то самъ-другъ,
Длинной цѣпью, пестрой ротой,
Кто въ раздумьѣ, кто съ зѣвотой,
Пробѣгаютъ малый кругъ...

И поетъ имъ безпрерывно
Зовъ шарманки заунывной,

Хриплой жалобой звеня...
И отъ пѣсни однозвучной
Часто-часто, въ часъ докучный,
Рыцарь валится съ коня...

Часто-часто рвутся звенья,
Изсякаетъ нить забвенья
И скудѣетъ свѣтъ въ очахъ,
Но вплетенныхъ въ вихрь случайный
Строго гонитъ воротъ тайный,
Имъ невидимый рычагъ...

ЛУННЫЯ КРЫЛЬЯ.

Изъ лунныхъ сновъ я тку свой зыбкій мигъ,
Невольникъ грезъ, пустынникъ думъ моихъ...

И въ лунныхъ даляхъ близится межа,
Гдѣ молкнетъ гулъ дневного мятежа...

И призрачны, безмолвствуя вдали,
Дневная явь и пестрый кругъ земли...

И въ звѣздный часъ разъятія оковъ
Я весь—пыланье лунныхъ облаковъ...

И длится тишь, и льется лунный свѣтъ,
Вскрывая міръ, гдѣ смертной боли нѣтъ...

И тихъ мой духъ, какъ сладостенъ и тихъ
Пустынный цвѣтъ пустынныхъ сновъ моихъ...

И молкнетъ мысль, и меркнетъ, чуть дрожа,
Все зарево земного рубежа...

И, будто тая, искрится вдали
Нѣмой просторъ въ серебряной пыли...

И въ тайный мигъ паденья всѣхъ оковъ
Сбывается алканіе вѣковъ...

Все—сонъ, все—свѣтъ, и самъ я—лунный свѣтъ,
И нѣтъ меня, и будто міра нѣтъ!

ТОПОЛЬ.

Какъ въ мой разумъ безпокойный
Входитъ свѣтомъ пѣнье грезъ,
Дикій тополь вѣкъ свой стройный
Въ міръ дробленія принесъ...

Я свирѣлью многодумной
Славлю солнце въ майскомъ снѣ,
Онъ своей листвою шумной
Повѣствуетъ о веснѣ...

Если я теряю въ плачѣ
Ясность сердца моего,
Той же грустью, лишь иначе,
Дышитъ шелестъ, рѣчь его...

Въ часъ смятенья грозового
Стойко встрѣтивъ свистъ и вой,
Онъ, какъ я, качаетъ снова
Непреклонною главой...

Въ немъ—во мнѣ—все тотъ же жребій,
Долгъ опальныхъ, долгъ живыхъ—:
Лишь тянуться къ солнцу въ небѣ,
Къ звѣздамъ въ даляхъ міровыхъ...

ФЕЙЕРВЕРКЪ.

У входа въ храмъ вѣнецъ изъ терній,
Святая Тѣнь, померкъ въ тѣни...
И въ шумѣ площади вечерней
Мелькаетъ людъ, снуютъ огни...

Пронзая мглу струями свѣта,
Дробятся кольца и круги,
Шипя взвивается ракета
Изгибомъ огненной дуги...

И въ мірѣ звѣздъ, въ тиши ихъ вѣчной,
Пылаетъ пестрый вой и звонъ,
И каждый ярко, въ часъ безпечный,
Мгновенной искрой ослѣпленъ...

Дробясь, сплетая въ ожерелье
Весь малый кладъ людской сумы,
Скользитъ полночное веселье
Въ безмолвной тьмѣ, не видя тьмы...

И дышитъ—дышитъ грудь земная,
Забывъ полдневную вражду,
Своей судьбы еще не зная
Въ ночномъ скудѣющемъ бреду...

ВЪ ПУТИ.

Я много жилъ и былъ красивъ, когда-то,
Въ вѣнкѣ изъ лилій, съ пѣсней полноты...
И было въ мірѣ солнце безъ заката,
И ночь моя была безъ темноты!

И былъ я гордъ у дѣтскаго порога,
Ввѣряя грудь невѣдомымъ пирамъ...
Изъ сада въ садъ вилась моя дорога,
Все въ высь, все въ высь, въ далекій свѣтлый храмъ...

И въ шествіи безъ срыва и уклона
Цвѣли часы, и былъ мой день глубокъ...
И мигъ былъ мигъ пыланія и звона,
И въ легкомъ зноѣ тѣнь мелькала въ срокъ...

Теперь въ крови волненіе иное,
Иныя думы, чаянья и сны...
И блѣденъ часъ, какъ облако ночное
Въ нѣмомъ и блѣдномъ трепетѣ луны...

V Но любо мнѣ брести стезею длинной
Сквозь темный строй обрывовъ и преградъ,
Хоть слишкомъ часто кажется пустынной
Земля, нашъ адъ—нашъ рай, нашъ рай—нашъ адъ!

НОЧНАЯ ТИШЬ.

Дышитъ полночь тѣнью жуткой...
Тьма въ окнѣ и въ сердцѣ тьма...
Сладость—малая минутка...
Горечь—долгая зима...

Чуткій духъ въ тоскѣ безсмѣнной
Внемлетъ ночи у окна...
Велика, неизреченна
Неземная тишина...

Но съ годами понемногу
Таютъ тайные круги,
И къ послѣднему порогу
Приближаются шаги...

Слышенъ звонъ освобожденья
Въ боѣ медленныхъ часовъ,
И сдвигаетъ бѣгъ мгновенья
Неразгаданный засовъ...

Будетъ часъ, и дрогнутъ петли,
Дверь глухая задрожитъ,
И узнаю, тьма ли, свѣтъ ли
Смертный выходъ сторожитъ!

ОСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Люблю средь лѣса, въ часъ осенній,
Подъ грустный шумъ,
Внимать волненію и пени
Пустынныхъ думъ...

Распались замки, тлѣютъ своды
Въ глухомъ огнѣ,
Чей тонкій дымъ вѣнчаетъ годы
И сны во мнѣ...

Прошли зеленыя потемки,
Ихъ звонъ утихъ...
И гнется съ трескомъ стебель ломкій
У ногъ моихъ.

Пустынны въ гаснущемъ нарядѣ
Ряды березъ,
Гдѣ зыблетъ вѣтеръ мохъ, какъ пряди
Сѣдыхъ волосъ...

И блескъ и звонъ, цвѣты и травы
Судьба сожгла,
И въ дымномъ храмѣ вешней славы—
Зола, зола...

ПРИЗЫВЪ.

Кланяйся, смертный, дневной синевѣ!
Кланяйся листьямъ, ихъ вешней молвѣ,
Кланяйся—ниже—осенней травѣ!

Звонко въ горячей молитвѣ хвали
Алую розу, нарядность земли,
Звонче же—вѣтку въ дорожной пыли!

Падай предъ солнцемъ, раскрывшимъ свой зной,
Славь и величіе бездны ночной,
Празднуй и малость песчинки земной...

Кланяйся звѣздамъ, что ярко зажглись,
Жарко сверканью зарницъ умились,
Жарче на малую искру молись!

ПУТЬ КЪ СИНЕВѢ.

А. Скрябину.

Thine are these orbs of light and shade
Tennyson.

Въ разсвѣтную пору
Сулившую вёдро,
Отцвѣтшей, далекой весной,
Безпечно и бодро—
По древнему бору—
Бродилъ я тропою лѣсной.

Былъ сонъ... Лишь на еляхъ
И соснахъ, чьи вѣтки
Сплетались въ шатры, въ купола,—
Какъ трепетъ ихъ рѣдкій,
На плавныхъ качеляхъ
Качалась зеленая мгла...

И шелъ я... И дологъ
Былъ часъ беззаботный,
Что сладко баюкалъ меня..
И сумракъ дремотный
Тянулся, какъ пологъ,
Межъ мной и безмѣрностью дня.

Лишь въ полдень, нежданно,
Сквозь зыбь на осинѣ—
Отъ вихря, объявшаго лѣсъ—
Полоскою синей,
И жутко и странно,
Мелькнула мнѣ бездна небесъ...

Такъ снилось—такъ было...
И полдень и лѣто
Погасли у края стези...
И тщетно ихъ цвѣта
Въ тревогѣ унылой
Ищу я вдали и вблизи...

Лишь слышу я шорохъ
Осенней печали,
Немолчной въ заглохшемъ кругу...
И листья опали,

И мертвый ихъ ворохъ
Встрѣчаю на каждомъ шагу...

И въ мертвомъ просторѣ,
Надъ сѣрой дорогой,
Гдѣ глухо сѣдѣетъ трава,
Безмолвно и строго,
Какъ сонное море,
Раскрыла свой миръ синева...

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Свѣтаетъ близь... Чуть дышитъ даль, свѣтая...
Встаетъ туманъ столбами, здѣсь и тамъ...
И снова я—какъ арфа золотая,
Послушная таинственнымъ перстамъ...

И тайный вихрь, своей волною знойной,
Смываетъ бредъ ночного забытья,
Въ мой сонный духъ, въ мой мигъ еще нестройный,
То пурпуръ думъ, то пурпуръ грезъ струя...

И длятся—длятся отзвуки живые,
Возникшіе въ запретной намъ дали,
Чтобъ дрогнуть вдругъ, волшебно и впервые,
Какъ вѣсть изъ рая, въ жребіи земли...

И вотъ мой духъ, изгнанникъ въ мірѣ тлѣнья,
Безсмѣнный рабъ измѣнчивыхъ тѣней,
Тоскующе, слезами умиленья
Встрѣчаетъ сказку родины своей...

УЗНИКЪ.

Въ тихій полдень, въ часъ томленья,
Древній узникъ, вижу я
Край далекаго селенья,
Сѣрый холмъ, изгибъ ручья...

Вижу въ полночь за рѣшеткой
Три звѣзды и лунный серпъ,
И въ ихъ свѣтѣ строй нечеткій
Низкорослыхъ, тощихъ вербъ...

Вотъ—все царство человѣка,
Что тужитъ свой малый срокъ...
Полно мудрствовать, Сенека,
Даже этотъ міръ широкъ!

Слышу въ древнія бойницы
Лишь безсвязный шелестъ дня,
Или крикъ незримой птицы
Гдѣ-то близко отъ меня...

Слышу, какъ въ ночи глубокой
Гдѣ-то время часъ свой бьетъ,
Точно молотъ одинокій,
Что глухую цѣпь куетъ...

Вотъ—что зыблетъ тишь мгновенья
За твердыней стѣнъ глухихъ...
Чѣмъ бѣднѣе это пѣнье,
Цезарь, грома битвъ твоихъ!

АККОРДЫ.

Въ даль изъ перламутра
Кинувъ трепетъ звона,
Развѣваетъ утро
Синія знамена...

У разсвѣтной двери,
Въ пѣснѣ о просторѣ,
Славлю въ равной мѣрѣ
Капельку и море...

Вспыхнулъ полдень яркій
Красными кострами...
Сердце—трепетъ жаркій!
Духъ мой—пламя въ храмѣ!

Сѣрымъ покрываломъ
Вечеръ палъ на землю...
Съ дрожью въ сердцѣ маломъ
Жребій тьмы пріемлю...

Труденъ путь надъ бездной
Къ неземному краю...
Къ вѣчной тайнѣ звѣздной
Руки простираю!

РАЗДУМІЕ.

Истекаетъ срокъ за срокомъ,
Гнется стебель, меркнетъ цвѣтъ—
Пѣна, взрытая потокомъ
Устремленныхъ въ вѣчность лѣтъ...

Въ смѣнѣ тѣни и сверканья
Дышитъ время, мигъ поетъ...
То же темное алканье
Часу часъ передаетъ...

Входитъ въ кругъ борьбы немолчной
Тишь, мѣняющая сны,
Гдѣ лишь звонче ропотъ желчный
Обдѣленной сѣдины...

Въ неизмѣнности и въ смѣнѣ
Храмъ беззвѣздный строитъ мгла,
Гдѣ лишь свѣтится средь тѣни
Блѣдность скорбнаго чела...

ДРОБЛЕНЬЕ.

Какъ бы ни цвѣлъ неизмѣримо
Въ пыланьи міра каждый мигъ,
Въ немъ, тайнымъ страхомъ одержимо,
Трепещетъ сердце, духъ поникъ...

И всѣ встрѣчаютъ вихрь мгновенья
Холоднымъ взглядомъ сироты,
И что ни доля, то—дробленье
Невозвратимой полноты...

И каждый—каждый, судя строго,
Своимъ случайнымъ часомъ живъ,
Отторгнувъ грудь свою отъ Бога,
Себя отъ міра отдѣливъ!

Какъ будто въ жизни не отъ вѣка,
Хвалою майскою звеня,
Сверкаетъ въ долѣ человѣка—
Живое пламя—чудо дня!

И будто, звѣздными волнами
Баюкая безгранно насъ,
Въ безмолвныхъ высяхъ не надъ нами
Плыветъ—цвѣтетъ полночный часъ!

СѢЯТЕЛЬ.

Древнимъ плугомъ поле взрыто,
Будутъ зерна въ глубинѣ!
Ширь пустынная открыта
Зеленѣющей веснѣ...

Въ древнемъ полѣ, надъ оврагомъ,
Вѣковой своей тропой,
Съ зыбкой ношей, мѣрнымъ шагомъ
Бродитъ Сѣятель слѣпой...

Онъ безсмертною десницей,
Строго помня свой завѣтъ,
Сѣетъ плевелы съ пшеницей,
Хлѣбъ людской и Божій цвѣтъ...

Будетъ годъ ли урожайный,
Иль безплодье ждетъ зерно,
Приговора вѣчной тайны
Старцу вѣдать не дано...

Онъ лишь мѣрно, горстью полной,
Разсыпаетъ вдоль межи
Лѣтній трепетъ, шелестъ, волны,
Звонъ и пѣнье, въ полѣ ржи...

Изъ лукошка рокового
Онъ лишь сѣетъ даръ Творца—
Скудный свѣтъ людского крова
И проклятіе жнеца!

BEATI POSSIDENTES.

Блаженъ, чей день лазурнымъ кругомъ
Облекъ поля, вѣнчалъ просторъ...
Блаженъ, чей путь проходитъ лугомъ,
Гдѣ пестрый цвѣтъ встрѣчаетъ взоръ...

Блаженъ, кто, жизнью ослѣпленный,
Весь преданъ мигу, съ мигомъ слитъ,
По краю пропасти бездонной
Безъ думъ и ужаса скользитъ...

Блаженъ, въ комъ слиты воедино
Случайность жизни и судьба,
Кто съ гордымъ сердцемъ господина
Свершаетъ горькій трудъ раба...

Блаженъ, кто, жребій ввѣривъ зною,
Избранникъ Солнца, гаснетъ съ нимъ,—
Блаженъ, кто силой неземною
Отъ смертной горечи хранимъ...

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЯ.

Входитъ подъ сирую кровлю
Вечеръ... И тѣсенъ мой кровъ!
Малое сердце готовлю
Къ таинству звѣздныхъ міровъ...

Явное въ свѣтѣ и въ зноѣ
Призрачно въ лунной пыли...
Лживо томленье дневное,
Въ мірѣ не стало земли!

Рѣетъ въ ночномъ океанѣ
Духъ мой свободной волной...
Огненно зыблясь безъ грани,
Тайна—лишь тайна—со мной...

День—его крики и лица—
Бредъ обманувшаго сна!
Каждая дума—зарница,
Каждая мысль—тишина...

Радостенъ дѣтскій мой лепетъ
Богу, представшему вдругъ...
Весь я—молитвенный трепетъ
Къ звѣздамъ протянутыхъ рукъ!

НА УЛИЦѢ.

Стою одинъ на перекресткѣ,
Средь шума улицъ городскихъ,
Вникая праздно въ пыль и блестки,
Въ покой и важность лицъ людскихъ...

Какое хитрое сплетенье —
Безъ явной связи и межи—
И сна и горькаго смятенья,
Слѣпой правдивости и лжи!

Снуютъ наряды, перстни, бусы,
И жадность устъ и алчность глазъ,
Ханжи бродячіе и трусы,
Тщета и глупость на показъ.

И видны—видны сквозь румяна
Земного счастія кроха,
Печать корысти и обмана,
Клеймо позора и грѣха...

Ползетъ чудовищемъ стоногимъ,
Чей темный голодъ глухъ и нѣмъ,
Толпа, довольная немногимъ,
Неутоленная ничѣмъ...

И каждый носитъ въ сердцѣ сонномъ
Свободу, ставшую рабой,
Случайность, ставшую закономъ,
И жребій прихоти слѣпой...

И жутокъ свѣтъ во взглядахъ смѣлыхъ,
И грозенъ всюду знакъ судьбы
На пальцахъ, горько загрубѣлыхъ,
На спинахъ, согнутыхъ въ горбы...

И всѣхъ равняетъ знакомъ сходства,
Примѣтой Божьяго перста,
Одно великое сиротство,
Одна великая тщета!

СИНЕВА.

Лугъ желтѣетъ—садъ роняетъ
Вешній цвѣтъ, уборъ листвы...
Только небо не мѣняетъ
Первозданной синевы...

Молкнетъ громъ, и вихрь, и даже
Вѣчный вздохъ людского сна...
Міръ вѣнчаетъ, всюду та же,
Вѣковая тишина...

Данъ предѣлъ и время смѣны
Тѣни ночи, часу бурь—
Лишь горитъ вѣка средь пѣны,
Въ морѣ, зыбкая лазурь...

Пестрый міръ клоня къ покою—
Мысли, подвиги, слова —
Правитъ долею людскою
Цѣльность, вѣчность, синева...

En lo cerrado salida...

Cervantes.

The spell should break of this protracted dream

Byron.

O navicella mia, com' mal se' carca!

Dante.

РЫБАКИ.

А. Н. Лебедевой.

Въ радостной силѣ,
Въ утреннемъ свѣтѣ,
Брошены были
Легкія сѣти...

Въ ясности вала
Искрилось море..
Гордо пылала
Вѣра во взорѣ...

Пѣла внѣ тѣни
Доля земная,
Въ трепетной пѣнѣ
Бездны не зная...

Длится и длится
Ловъ запоздалый...
Ждетъ и томится
Старый и малый...

Сумрачны рѣчи,
Взгляды туманны...
Врѣзался въ плечи
Крестъ конопляный...

Въ меркнущемъ свѣтѣ,
Къ мели пустынной
Близятся сѣти
Съ иломъ и тиной...

То-то услада
Смѣлымъ, что съ крикомъ
Ищутъ лишь клада
Въ морѣ великомъ!

ОХОТА.

Грянулъ рогъ въ лѣсу нагорномъ,
И протяжный, зыбкій гулъ
Въ мірѣ тѣсномъ, въ мірѣ торномъ,
Сонный воздухъ содрогнулъ...

Въ часъ охоты, въ тишь селенья
Юный герцогъ шлетъ гонца...
Въ жаждѣ крови и забвенья
Глухо мечутся сердца...

Мыслитъ старый: Честь помѣстью!
Мыслитъ юный: Мой чередъ!
Озаренный свѣтлой вѣстью,
Пробуждается народъ...

Что дремало—измѣнилось
Въ пѣнье, въ шумную молву...
Будто все, что смутно снилось,
Вдругъ сверкнуло наяву...

Дикій рогъ поетъ все звонче
Въ тѣсномъ кругѣ сѣрыхъ скалъ...
Вотъ, и всадникъ съ первой гончей
На опушкѣ замелькалъ...

Вотъ, изъ чащи пробужденной,
Точно пчелы изъ улья,
Скачутъ рыцари колонной
Къ дыму бѣднаго жилья...

Въ каждомъ взглядѣ полдень свѣтитъ,
Въ каждомъ мигѣ—звонъ волны...
Горе! Чѣмъ-то сердце встрѣтитъ
Бѣдность новой тишины!

УТРОМЪ.

Искрятся мгновенья
Въ ранней тишинѣ...
Мигъ прикосновенья
Къ дремлющей струнѣ!

Свѣтъ въ тиши лѣнивой
Зыблетъ въ сердцѣ тѣнь—
Вѣчное огниво
Бьется о кремень!

Въ часъ зари безбурной,
Ширя синій зной,
Льется звонъ пурпурный
Съ неба въ кругъ земной...

Льется въ часъ безбольный
Къ небу отъ земли
Отзывъ колокольный
Алчущихъ въ пыли...

Рѣютъ два сіянья,
Ширя день-деньской
Вихри, чье сліянье—
Въ радости людской!

ЗИМНЯЯ БЕЗСОННИЦА.

I.

Грустенъ скудный свѣтъ лампады...
Ночь... И міръ!.. И я въ ихъ снѣ...
Безъ волненья, безъ отрады
Въ сердцѣ—память о веснѣ...

Мысль, видѣнье ль возникаетъ,
Весь ихъ трепетъ—объ одномъ...
Въ мертвомъ зеркалѣ мелькаетъ
Снѣгъ, идущій за окномъ...

Тихъ мой домъ оледенѣлый
Сиротливою зимой,
Гдѣ лишь вихрь пустыни бѣлой
Рвется въ двери въ часъ нѣмой...

Вотъ онъ, легокъ на поминѣ!
Въ пробужденной полумглѣ
Воетъ сумрачно въ каминѣ,
Взрывъ сверканье искръ въ золѣ...

Грустно—сладокъ возгласъ мѣрный
Въ часъ сиротства, ввечеру...
Звонче, звонче, гость мой вѣрный
На моемъ земномъ пиру!

II.

Пустынна глубь ночныхъ мгновенiй,
Ихъ бѣгъ угрюмъ...
Въ его тиши былыя тѣни
Тѣснятъ мой умъ...

Часы и годы, ихъ дремота,
Ихъ горькiй трудъ,—
Все скорбно требуетъ отчета,
Зоветъ на судъ.

А что судить! Печаль о небѣ
Я несъ сквозь пыль...
Въ ея упорствѣ—весь мой жребiй,
Вся жизнь, вся быль...

Пусть звѣздный трепетъ въ сердцѣ вяломъ
Скудѣлъ и меркъ,
Но я людскую боль о маломъ
Клеймилъ, отвергъ...

Строитель радостнаго зданья,
Въ полночный мигъ
Въ тревогѣ дѣтскаго гаданья
Я вдругъ поникъ...

Но будетъ часъ, и свѣтлый Зодчій,
Раскрывъ любовь,
Мое чело рукою отчей
Подниметъ вновь!

БЕЗЪ КРОВА.

Въ пыли вѣковъ, Тебѣ награда!
Мнѣ—плоть моя, Тебѣ—мой духъ...
Ты звалъ меня, и бросилъ стадо
Твой рабъ, Твой радостный пастухъ...

Отъ дѣтской доли и забвенья
Въ тиши родного ручейка,
Въ морской просторъ, въ его смятенье,
Меня гнала Твоя рука...

И вотъ, надъ бездною гремящей,
Гдѣ тщетно снится мнѣ земля,
Я, весь въ слезахъ, дрожу все чаще
У непокорнаго руля...

Изъ тѣни дремлющей долины,
Отъ сладости безпечныхъ грезъ,
Въ свѣтъ горныхъ высей, въ міръ орлиный,
Мой смертный жребій Ты вознесъ!..

И вотъ, одинъ, невольникъ зова,
Познавъ—незнаніемъ томимъ,
Стою съ мольбой о чудѣ крова
Предъ звѣзднымъ таинствомъ Твоимъ!

АЛЛЕЯ.

Вьется аллея
Внизъ подъ откосъ,
Вся пламенѣя
Алостью розъ...

Тишью и зноемъ
Паркъ усыпленъ...
Тянутся строемъ
Тополь и кленъ...

Кровь земляники...
Мшистые пни...
Въ полдень великій
Сладко въ тѣни!

Шагъ и—все рѣже
Пологъ лѣсной.
Листья все тѣ же,
Шелестъ—иной...

Солнце за тучей...
Хмурится долъ...
Къ ивѣ плакучей
Путникъ пришелъ...

Длится аллея
Подъ гору, внизъ,
Гдѣ лишь чернѣя
Спитъ кипарисъ...

ПРИБЛИЖЕНІЕ.

Всѣ мы съ проклятіемъ бродимъ
Въ замкѣ невѣдомой тьмы...
Всѣ мы съ тоскою подходимъ
Къ двери изъ смертной тюрьмы!

Горекъ въ тиши безконечной
Топотъ усталыхъ шаговъ—
Жутокъ, сквозь сонъ быстротечный,
Шелестъ нездѣшнихъ луговъ!

Всѣ мы на тайномъ порогѣ,
Въ вѣщемъ сверканьи зарницъ,
Съ болью о смертной тревогѣ
Горестно падаемъ ницъ...

Чада земного распутья,
Въ часъ, расторгающій сонъ,
Алчно скрѣпляемъ мы прутья
Въ ржавой оградѣ временъ...

Страшно намъ въ глубь роковую
Взглядомъ пытливымъ взглянуть—
Страшно на тайну живую
Смертной рукой посягнуть!

КОМАРЫ.

Пляшетъ въ меркнущемъ пожарѣ
Рой вечернихъ комаровъ...
Сколько въ мірѣ бренной твари,
Богомъ замкнутыхъ міровъ!

Какъ и я, служа мгновенью,
Протянувшись въ высь столбомъ,
Вьются мошки легкой тѣнью
Въ небѣ блѣдно-голубомъ...

Пусть все тѣмъ же смертнымъ бредомъ
Ослѣпилъ ихъ бѣглый мигъ,
Но ихъ жребій мнѣ невѣдомъ,
Какъ и жребій дней моихъ...

Только вижу вечеръ сонный
И печаль стоячихъ водъ,
Гдѣ толчется ослѣпленно
Комариный хороводъ...

Только знаю, что до срока
Длиться суетной игрѣ,
Устремленной одиноко
Къ догорающей зарѣ...

ЗА КРУГЪ ЗЕМНОЙ.

Въ тиши ли горъ пространство озираю,
Иль глухо слитъ съ волной,
Въ земную даль я руки простираю,
Въ просторъ земной...

Вездѣ, вездѣ, гдѣ искрилось мгновенье,
Иль дымно день скудѣлъ,
Я съ тайною тревогой умиленья
На міръ глядѣлъ...

Въ безмолвіи и въ дни борьбы докучной
На все, въ чемъ жизнь цвѣла,
Готовила свой откликъ полнозвучный
Моя хвала...

Но какъ душѣ тоскующей ни любы
Цвѣты, чье имя—мигъ,
И пламя дня, и даже трепетъ грубый
Страстей людскихъ,—

Я все же съ тайной грустью раздѣляю
Ихъ вѣчный пиръ дневной,
И алчный взоръ все чаще устремляю
За кругъ земной...

КОРШУНЪ.

Хищный коршунъ въ небѣ блѣдномъ
Чертитъ черные круги...
Въ сердцѣ маломъ, въ сердцѣ бѣдномъ
Смертный, свѣтъ свой береги!

Ненасытенъ голодъ птичій,
Мѣтокъ грозный взоръ его—
Черный хищникъ ждетъ добычи,
Часа пира своего...

Дикой воли не растрогать
Зовомъ жалости земной...
Весь изъ стали—каждый коготь,
Взмахъ кинжала—клювъ стальной!

Вотъ, сверкнулъ онъ краснымъ глазомъ
Въ желтомъ кругѣ алчныхъ вѣкъ—
Вотъ, какъ гладь стекла алмазомъ,
Солнце тѣнью онъ разсѣкъ...

Ясный вечеръ задымился,
Скорбно дрогнувъ вновь и вновь—
Въ чьей-то жизни день затмился,
Въ чьемъ-то сердцѣ стынетъ кровь!

ВИѲЛЕЕМСКАЯ ЗВѢЗДА.

Дитя судьбы, свой долгъ исполни,
Пріемля боль, какъ высшій даръ...
И будетъ мысль—какъ пламя молній,
И будетъ слово—какъ пожаръ!

Внѣ розни счастья и печали,
Внѣ спора тѣни и луча,
Ты станешь весь—какъ гибкость стали,
И станешь весь—какъ взмахъ меча...

Для яви праха умирая,
Ты въ даль вѣковъ продлишь свой часъ,
И возродится чудо рая,
Отъ вѣка дремлюшее въ насъ,—

И звѣзднымъ свѣтомъ—изначально—
Омывъ все тлѣнное во мглѣ,
Раздастся колоколъ вѣнчальный,
Еще невѣдомый землѣ!

ВОЛНЫ.

Весь преданный мгновенію,
У зыбкихъ волнъ сижу,
И, ввѣривъ взоръ теченію,
За искрами слѣжу...

Скользитъ дорогой каменной
Измѣнчивость струи—
То сумрачно, то пламенно,
Какъ въ сердцѣ сны мои...

Встаютъ валы прилежные,
Чуть зыбля міръ нѣмой—
Меня, холмы прибрежные
И пыльный посохъ мой...

И пляшутъ волны, прядаютъ,
Скользятъ, мѣняя связь,
И рѣютъ въ высь и падаютъ,
На мигъ остановясь,—

Проходятъ легкой смѣною,
Какъ въ смертномъ сердцѣ сны,
Скрывая зыбкой пѣною
Безвѣстность глубины...

ЗАМОКЪ СТРАХА.

Долго время въ Замкѣ Страха,
Гдѣ я въ полночь свѣта жду,
Гдѣ мелькаетъ только плаха
Въ нескончаемомъ бреду...

Пробуждая мертвый шорохъ,
Срокъ за срокомъ бьютъ часы...
Призракъ черепа въ узорахъ
Въ бѣгѣ линій—знакъ косы...

Въ пестротѣ дневного звона,
На случайный смутный звукъ
Отвѣчаетъ горечь стона,
Блѣдность лицъ и трепетъ рукъ...

Въ долгій часъ ночного круга
Скорбно смотритъ въ лунный прахъ
Мука дѣтскаго испуга
Въ отуманенныхъ зрачкахъ...

Въ древнемъ замкѣ—безысходно—
Боль всегда и боль вездѣ...
И душа—какъ цвѣтъ безплодный
Бѣлыхъ лилій на водѣ...

РАЗДУМІЕ.

Проходитъ день, и глухо сердце бьется—
О томъ, что есть, о томъ, чего ужъ нѣтъ...
По жребію намъ счастіе дается,
По жребію, раскрывшись, меркнетъ свѣтъ...

То явь гремитъ, то, осѣненный снами,
Какъ дымный факелъ, тлѣетъ тихій часъ...
Ихъ череда расчислена не нами,
Ихъ тайный слѣдъ, въ душѣ, рѣшенъ безъ насъ!

Вплетаясь въ жизнь, раскрывшись вдругъ, украдкой,
Всегда врасплохъ приходитъ каждый мигъ...
И скорбенъ духъ, обманутый догадкой,
И медлитъ воля въ помыслахъ своихъ...

Но ясенъ путь, и падаютъ оковы,
Едва душа, безъ боли о себѣ,
Тоскующе пріемлетъ долгъ суровый
Свободнаго служенія судьбѣ...

ЧЕРЕДОЮ.

Я свѣтлой доли зналъ не мало,
И трудной скорби вѣдалъ много...
Не разъ, не разъ весна пылала—
Не разъ мятель дымилась строго...

Часъ гордой силы велъ истому...
Смѣнялъ неволю часъ свободный...
И ждалъ я счастья попустому,
И чахъ и цвѣлъ поочередно...

И пѣли дни отъ смѣны къ смѣнѣ,
И въ мигъ, смирявшій пламя въ гимнѣ,
Я зналъ, что будетъ зной безъ тѣни,
И зналъ, что будетъ холодъ зимній...

И свѣтелъ взоръ мой, въ даль вперенный,
И—полный кротости и вѣры—
Я съ думой мудро-примиренной
Встрѣчаю день и вечеръ сѣрый...

Извѣдавъ пламя, таю, тлѣю,
И цвѣтомъ нови оживаю—
О прежнихъ дняхъ не сожалѣю,
Погасшихъ сновъ не призываю...

МЕРТВОЕ ЗЕРКАЛО.

Въ старомъ зеркалѣ нечетко
Отмѣчаетъ смѣна дней
Трепетъ радости короткой
И недвижный дымъ тѣней...

Въ мертвой безднѣ постепенно
Міръ облекся въ пепелъ сна,
Гдѣ мелькаетъ неизмѣнно
Лишь глухая сѣдина...

Въ ней, какъ въ сѣрой паутинѣ,
Меркнутъ искры и цвѣты,
И витаетъ въ полдень синій
Блѣдный призракъ пустоты...

Смотритъ тѣнь изъ пыльной глади,
Что бы въ мірѣ ни зажглось—
Оттого, что скорбь во взглядѣ
Въ ней низала жемчугъ слезъ,

Оттого, что въ мірѣ боли
Въ ней дрожалъ смертельный страхъ
И вскрывалась въ часъ неволи
Глубь отчаянья въ глазахъ!

НОЧЬЮ.

Н. А. Подгорному.

Затмила полночь тайну яви—
Раскрыла полночь тайну сна,
Но смертнымъ грезамъ, ихъ забавѣ,
Моя душа не предана.

Въ пустынной мглѣ, гдѣ сердце тонетъ
И будто вскрыта грудь моя,
Мой дѣтскій ужасъ мысли гонитъ,
Мой духъ не знаетъ забытья...

Средь бездны, преданной дремотѣ,
Расторгла ночь мой смертный плѣнъ,
И вотъ—во мнѣ не стало плоти,
Вокругъ меня не стало стѣнъ!

И горстью праха съ тьмою слитый,
Не зная яви, чуждый сну,
Я безъ опоры, безъ защиты,
Въ полночномъ омутѣ тону...

И блѣдной искры жду, какъ блага,
И жду разсвѣтнаго крыла,
Познавъ, какъ въ мірѣ сердце наго,
Какъ ночь земная тяжела!

ИЗЪ ТѢНИ ВЪ СВѢТЪ.

То опьяненный синевой
Плетусь стезею кочевой...

То вновь, въ докучной полумглѣ,
Влачу свой жребій на землѣ...

Изъ свѣта въ тѣнь, изъ тѣни въ свѣтъ,
Иду, свершая свой завѣтъ...

Изъ тѣни въ свѣтъ, изъ свѣта въ тѣнь,
Меня уводитъ краткій день—

Отъ блеска утренней росы,
Отъ цвѣта вешней полосы,

Отъ дѣтскихъ игръ—въ кровавый бой,
Въ пыланье выси голубой—

Къ печали молкнущихъ полей,
Къ тоскѣ и плачу журавлей—

И къ тайной грани сна въ снѣгу,
На неизбѣжномъ берегу!

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

Полоска дня все у́же, у́же,
И все блѣднѣй...
И такъ тревожитъ умъ досужій
Приходъ тѣней!

И тлѣетъ, тлѣетъ, безъ пыланья,
Дневной покровъ
Отъ безглагольнаго дыханья
Ночныхъ міровъ...

И лишь дымится, въ часъ отлива,
Земное дно,
Гдѣ все живое сиротливо
Обнажено...

И дышитъ сердце вздохомъ тѣни—
Слѣпой игрокъ—
Растративъ свѣтъ своихъ томленій
Въ столь малый срокъ!

Лишь искры звѣздъ, смиряя вздохи,
Зовутъ меня,
Горя, какъ солнечныя крохи
Отъ пира дня...

ВЪ БЕЗМѢРНОСТИ.

Версты и версты, мили и мили...
Трепетъ средь зноя, слезы отъ пыли,
Въ мірѣ обманчивыхъ вѣхъ—
Все же въ скитаньи, начатомъ въ силѣ,
Ясенъ и звонокъ мой смѣхъ!

Все же я сердцемъ, гордымъ до срока,
Въ пестромъ сіяньи нивы широкой,
Вѣрю дневному лучу,
И, отгоняя тѣнь, безъ упрека
Посохъ желѣзный влачу...

Силясь, шагая—долго, далече—
Въ мірѣ безъ крова, въ долѣ безъ встрѣчи,
Любо мнѣ мѣрить холмы—
Пусть оттянула бѣдныя плечи
Бѣдная ноша сумы...

Пусть средь истомы жажды палящей
Темному сердцу снится все слаще
Близость пути къ рубежу—
Все же съ любовью въ дымъ предстоящій,
Въ тайную даль, я гляжу...

ПРЯЛКА.

За древнею Прялкой съ куделью косматой
Безсонная Пряха, съ утра до заката,
Въ таинственномъ замкѣ, на пыльномъ гранитѣ,
Хлопочетъ—свиваетъ непрочныя нити...

То блѣдная дѣва, средь тѣни свѣтлицы,
Перстами весталки, перстами блудницы,
Съ тоскующей пѣсней, съ алканьемъ во взглядѣ
Срываетъ—равняетъ волшебныя пряди...

То, годы и годы, безмолвно и глухо,
Въ кругу заповѣдномъ, слѣпая старуха
Угрюмо хлопочетъ о нити неровной,
И сумрачно водитъ рукой хладнокровной...

Сверканье ли, тьма ли дымится сквозь окна,
Заклятая Прялка свиваетъ волокна,
Готовя упорно, безъ лада, безъ связи,
Лохмотья на нищемъ, наряды на князѣ...

И древняя Пряха безъ мѣры, безъ грани,
Средь майскаго цвѣта, въ осеннемъ туманѣ,
Безсонные пальцы за пряжей торопитъ,
Непрочныя нити безтрепетно копитъ...

РАЗДУМІЕ.

О. Л. Мелконовой-Езековой.

Знанье людское
Странно расчислено—
Важно въ покоѣ,
Въ горѣ безсмысленно!

Въ яркій и строгій
Свѣтъ упованія
Входитъ въ тревогѣ
Смута гаданія...

Въ утреннемъ храмѣ—
Арфа Эолова,
Сердце съ годами
Грузно, какъ олово!

Молкнетъ отъ страха
Дума безсонная,
Жребіемъ праха
Обремененная.

Съ каждою ложью
Все суевѣрнѣе,
Смотримъ мы съ дрожью
Въ небо вечернее...

Чудо прозрѣнья
Намъ не даровано,
Пламя стремленья
Сковано, сковано!

ВѢСТНИКЪ.

Cave, adsum!

Скачетъ, скачетъ гость крылатый!
Солнце—шлемъ, и солнце—латы,
Свѣтлый взглядъ, какъ цвѣтъ весны—
Сторонитесь горбуны!

Дикій конь, весь въ мылѣ, въ пѣнѣ,
Легче вихря, легче тѣни,
Мчится къ дремлющимъ въ пыли—
Разступайтесь, костыли!

Грозно, грозно хмуритъ брови
Витязь Солнца, вѣстникъ Крови,
Вихрь въ кругу объятыхъ сномъ—
Падай ницъ, угрюмый гномъ!

Близокъ, близокъ, гордъ и строенъ,
Гость великій, Божій воинъ—
Рвите алые цвѣты,
Дѣти сна и суеты!

Вотъ Онъ, вотъ Онъ, витязь строгій
Въ станѣ спящихъ на дорогѣ—
Встрѣтьте свѣтлаго Гонца,
Омертвѣлыя сердца!

АМИНЬ.

Опять, вѣнчая кругъ суровый,
Зажглась вечерняя заря,
И—вѣрный жрецъ—до жертвы новой
Я отхожу отъ алтаря.

Хвала и миръ свершенной грани!
Хвала и миръ пустымъ садамъ!
Живой тоскѣ какихъ алканій
Мой вѣщій духъ я вновь предамъ?

Повторна ночь, и свѣтъ повторенъ.
Неисчерпаемъ трепетъ лѣтъ...
И вся безмѣрность тайныхъ зеренъ
Еще раскроется, какъ цвѣтъ...

Еще въ великомъ зноѣ Бога
Не все пыланіе зажглось,
И въ даляхъ праха много, много,
Никѣмъ не вспаханныхъ полосъ...

И солнце пламеннымъ восходомъ
Сверкнетъ надъ новью снова и мѣстъ...
Лети, пчела, за новымъ медомъ!
Прими, невольникъ, новый крестъ!

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ

I.

Альпійскій пастухъ 9
Нынѣ и присно 11
Древнее сказанье 13
Восхожденіе 15
Молитва 17
Кругъ вѣковѣчный 19
Вечеръ въ горахъ 21
Мощь малости 23
Колоколъ 25
Вечернее вино 27
Горная тропа 29
Призывъ 31
Башня безмолвія 33
Видѣніе 35
Дневное сіяніе 37
Буря 39
Вечерняя пѣсня 41
Забвеніе 43
Зимняя дорога 45
Дерево 47
Кормчій 49
Дымъ 51
Возвратъ 53
Быстротечность 55
Гостья 57

II.

Въ морѣ 61
Песочные часы 63
Раздумiе 65
Въ горахъ 67
Равнодушiе 69
Deo ignoto 71
Карусель 73
Лунныя крылья 75
Тополь 77
Фейерверкъ 79
Въ пути 81
Ночная тишь 83
Осенняя пѣсня 85
Призывъ 87
Путь къ Синевѣ 88
Пробужденiе 91
Узникъ 93
Аккорды 95
Раздумiе 97
Дробленье 99
Сѣятель 101
Beati possidentes 103
Вечерняя пѣсня 105
На улицѣ 107
Синева 109

III.

Рыбаки 113
Охота 115
Утромъ 117
Зимняя безсонница I. 119
» » II. 121

Безъ крова 123
Аллея 125
Приближеніе 127
Комары 129
За кругъ земной 131
Коршунъ 133
Виѳлеемская звѣзда 135
Волны 137
Замокъ Страха 139
Раздуміе 141
Чередою 143
Мертвое зеркало 145
Ночью 147
Изъ тѣни въ свѣтъ 149
Вечерняя заря 151
Въ безмѣрности 153
Прялка 155
Раздуміе 157
Вѣстникъ 159
Аминь 161

КАТАЛОГЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

«СКОРПІОНЪ»

I. СТИХИ.

Ю. Балтрушайтисъ. Земныя Ступени. Элегіи. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Ю. Балтрушайтисъ. Горная Тропа. Вторая книга стиховъ. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.

Томъ I. (Подъ сѣвернымъ Небомъ. Въ безбрежности. Тишина.) М. 1908. Изд. 3-е. Ц. 2 р.

Томъ II. (Горящія Зданія.) Изд. 3-е. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце.) Изд. 3-е. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ IV. (Только Любовь.) Печатается.

Томъ V. (Литургія Красоты.) Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VI. (Фейныя Сказки. Злыя Чары.) Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VII. (Жаръ-Птица.) Фронтисписъ К. Сомова. (хромолитографія). М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ VIII. (Зеленый Вертоградъ.) Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ IX. (Птицы въ воздухѣ.) Печатается.

Томъ X. (Хороводъ Временъ.) М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ 1892—1909 гг.

Томъ I. Стихи 1892—1909 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse. Tertia Vigilia.) Вторая тысяча. М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ II. Стихи 1902—1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos.) Вторая тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напѣвы.) Вторая тысяча. М. 1909. Ц. 2 р.

Валерій Брюсовъ. Зеркало Тѣней. Стихи 1909—1912 г. Обложка Д. Митрохина. М. 1912 г. Ц. 2 р.

Ив. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Андрей Бѣлый. Золото въ Лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.

Поль Верлэнъ. Собраніе стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Съ біографическимъ очеркомъ и 6 портретами. М. 1911. Ц. 2 р.

Юрій Верховскій. Разныя стихотворенія. М. 1908 Ц. 80 к.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Гумилевъ. Жемчуга. Стихи. Обложка Д. Кардовскаго. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Cor Ardens. Томъ I. (Cor Ardens. Speculum Speculorum. Эросъ. Золотыя Завѣсы.) Фронтисписъ К. Сомова (хромолитографія). М. 1911. Ц. 2 р. 40 к. Cor Ardens. Томъ II. (Любовь и Смерть. Rosarium). М. 1912. Ц. 2 р. Для имѣющихъ I томъ — 1 р. 10 к. (Оба тома вмѣстѣ ц. 3 р. 50 к.)

М. Кузминъ. Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

М. Кузминъ. Осеннія Озера. Вторая книга стиховъ. (Печатается).

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора и двумя очерками о его жизни и творчествѣ. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904. Ц. 1 р. (вм. 2 р.)

Николай Морозовъ. Звѣздныя пѣсни. Съ 2 картами звѣзднаго неба. Обложка М. Соломонова. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к. (Наложенъ арестъ).

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Д. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904. Ц. 50 к.

Уольтъ Уитманъ. Побѣги травы. Пер. К. Д. Бальмонта. М. 1911. Ц. 1 р. 80 к. (Наложенъ арестъ).

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Разсказы и драматическія сцены. 2-е, дополненное изд. Иллюстраціи и обложка Альберто Мартини (фототипіи). М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаніями. Украшенія по гравюрамъ XVI в. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая). Въ 4 частяхъ. Обложка по рисунку Обри Бердслея. М. 1904. Ц. 75 к.

Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обложка А. Ѳедотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

М. Кузминъ. Первая книга разсказовъ. (Приключенія Эме Лебефа. Письма Клары Вальмонъ. Тѣнь Филлиды. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Анны Мейеръ. Кушетка тети Сони. Крылья.) Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

М. Кузминъ. Вторая книга разсказовъ. (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиппѣ. Нѣжный Іосифъ.) Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Жагадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1905. Ц. 40 к.

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.

Томъ I. Поэмы, сказки. Изд. 2-е. М. 1912. Ц. 2 р. 20 к.

Томъ II. Разсказы, статьи. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Томъ III. Страшные разсказы, гротески. М. 1911. Ц. 2 руб.

Томъ IV. Необычайныя приключенія. М. 1912. Ц. 2 р.

Томъ V. Эврика. Письма. Біографія. М. 1912. Ц. 2 р.

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.

Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 частяхъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к. (вм. 2 р. 40 к.)

Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1906. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 30 к.)

Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905. Ц. 20 к. (вм. 50 к.)

Ѳедоръ Сологубъ. Жало Смерти. Разсказы. М. 1905. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.)

III. ДРАМЫ.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909. Ц. 80 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвеж-

скаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1909. Ц. 30 к. (вм. 50 к.)

Зигмунтъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. М. 1906. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вяч. Иванова. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 80 к.

Шарль ванъ-Лербергъ. Панъ. Они почуяли. M-lle Коси-Сѣно. Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль ванъ-Лербергъ. Они почуяли. M-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Морисъ Мэтерлинкъ. Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Мэтерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905. Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликіардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. М. 1907. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія („Парацельсъ", „Подруга", „Зеленый попугай".) Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

IV. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ, ПУТЕШЕСТВІЯ и т. д.

К. Д. Бальмонтъ. Змѣиные цвѣты. Путевыя письма изъ Мексики Съ 43 рис. во всю страницу. М. 1910 г. Ц. 3 р. То же—безъ рисунковъ. Ц. 2 руб.

Обри Бердслей. Содержаніе: Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Монографія.—Артуръ Симонсъ. Обри Берд-

слей. Монографія. — Обри Бердслей. Венера и Тангейзеръ. Романтическая новелла.—Обри Бердслей. Застольная болтовня. Избранныя мѣста изъ писемъ. — Подробная иконографія и библіографія. — Примѣчанія. — Портреты, автопортреты, карикатуры. — Воспроизведенія рисунковъ (около 30) О. Бердслея черныхъ и въ краскахъ. Авторизованный переводъ съ англійскаго М. Ликіардопуло. (Печатается).

Н. Брюсова. Временное и пространственное строеніе формы. М. 1911. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. 2 изд. М. 1910 г. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. М. 1912. Ц. 2 р.

Валерій Брюсовъ. За моимъ окномъ. Воспоминанія, наблюденія мысли. М. 1912.

Валерій Брюсовъ. Aurea Roma. Золотой Римъ. Очерки литературы и жизни IV в. по Р. Х. Готовится.

В. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 40 к. (вм. 70 к.)

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903 г. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Артуръ Рансонъ. Оскаръ Уайльдъ. Характеристика. Авторизованный переводъ съ рукописи М. Ликіардопуло. Съ предисловіемъ для русскаго изданія Роберта Росса и съ неизданнымъ портретомъ О. Уайльда. (Готовится).

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902. Ц. 80 к. (вм. 1 р.)

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, разсказы, статьи К. Д. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе на 1904 — 5 гг. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три расцвѣта", драма К. Д. Бальмонта. „Земля", сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова. „Танталъ", трагедія Вяч. Иванова. Стихи и разсказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппіусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Ѳеофилактова. М. 1905. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты на 1911 годъ. Содержаніе: „Забытыя сокровища", очеркъ К. Бальмонта, „Голландка Лиза", комедія М. Кузмина, „Подъ Павловымъ щитомъ", разсказъ Б. Садовского, „Аполлонъ и мышь", статья М. Волошина, „Шумъ смерти", разсказъ З. Гиппіусъ, „Подземное жилище", поэма Валерія Брюсова, „Семь земныхъ соблазновъ", главы изъ романа Валерія Брюсова, стихи З. Гиппіусъ, Ю. Балтрушайтиса, Н. Гумилева, Д. Навашина. Валерія Брюсова. Обложка К. Сомова. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

VI. АЛЬБОМЪ.

Н. Ѳеофилактовъ. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, одноцвѣтной и многоцвѣтной автотипіей). М. 1908. Ц. 3 р.

VII. МУЗЫКА.

Куранты Любви. Слова и музыка М. Кузмина. 30 стр. текста+70 стр. нотъ. Восемь рисунковъ (во всю страницу) С. Судейкина и Н. Ѳеофилактова (фототипіи и литографіи). М. 1910. Ц. 3 р.

VIII. „ВѢСЫ".

Ежемѣсячникъ искусствъ и литературы. Шесть лѣтъ изданія (1904 — 1909). 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ „Вѣсахъ" напечатаны стихи, повѣсти, разсказы, драмы, статьи, письма, воспоминанія русскихъ и иностранныхъ писателей: Ренэ Аркоса, С. Ауслендера, Ю. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, Е. Баратынскаго, О. Бердетта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гиппіусъ, Ренэ Гиля, Ж. де Гурмона, С. Городецкаго, В. Гофмана, Н. Гумилева, И. Грабаря, В. Жуковскаго, Вяч. Иванова, В. Каллаша, М. Кальвокоресси, Антона Крайняго, А. Кондратьева, М. Кузмина, Н. Лернера, М. Ликіардопуло, Д. Мережковскаго, В. Морфила, Н. Минскаго, Дж. Папини, С. Полякова, А. С. Пушкина, Ст. Пшибышевскаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, И. Рукавишникова, Б. Садовского, Вл. Соловьева, С.

Соловьева, Ѳ. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Оскара Уайльда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, Эллиса, П. Эттингера и мн. др. Въ „Вѣсахъ", воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова, Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенпрейса, О. Гиліа, К. Вальзера, А. де Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ларіонова, И. Левитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Миліоти, Л. Пастернака, О. Рэдона, Н. Рериха, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, Н. Сапунова, К. Сомова, Т. Стерждъ-Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, Н. Ѳеофилактова и мн. др.

Значительная часть матеріала, обнародованнаго въ „Вѣсахъ", нигдѣ не перепечатана.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ" за всѣ шесть лѣтъ изданія — **40** руб. безъ пересылки. Отдѣльные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906—по **6** руб. безъ пересылки, 1908, 1909—по **7** руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (**безъ 1907 г.**)—**27** руб., безъ пересылки; **1907 г. отдѣльно не продается.** Пересылка по дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкой за счетъ книгоиздательства, за исключеніемъ тѣхъ изданій, на которыя цѣна понижена, и 2-й части „Cor Ardens" Вячеслава Иванова, получаемой по талону. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ — при заказѣ. При вы-

пискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ“: **Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23** (телефонъ 50-89). Изданія к-ва „Скорпіонъ“ можно также получать въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ“ **Петербургъ, Садовая, 18.**

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«МУСАГЕТЪ».

(1910—1911).

Москва, Пречистенскій бульв.,
д. 31, кв. 9.

Андрей Бѣлый. Символизмъ. Книга статей. М. 1910. Ц. 3 р.

Андрей Бѣлый. Арабески. Книга статей. М. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Андрей Бѣлый. Трагедія творчества. Достоевскій и Толстой М. 1911. Ц. 40 к.

Вячеславъ Ивановъ. Эллинская религія страдающаго Бога. Опытъ религіозно-исторической характеристики. (Печатается).

Вольфингъ. Модернизмъ и музыка. Книга статей. М. 1911. Ц 2 р.

Эллисъ. Русскіе символисты. М. 1910. Ц. 2 р.

Борисъ Садовской. Русская Камена. Книга статей. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Леонардо да Винчи. Трактатъ о живописи. Переводъ и вступительная статья М. С. Сергѣева. (Готовится.)

Адольфъ Гильдебрантъ. Проблема формы въ изобразительныхъ искусствахъ. Переводъ подъ ред. Г. А. Рачинскаго. (Печатается.)

Жозефъ Орсье. Агриппа Неттесгеймскій. Критико-біографическій очеркъ. Переводъ подъ редакціей

и съ дополненіями Валерія Брюсова. Съ портретомъ. М. 1912. Ц. 80 к.

Павлинъ изъ Пелы. Эвхаристиконъ Богу. Автобіографія неудачника V вѣка. Переводъ въ стихахъ размѣромъ подлинника Валерія Брюсова. (Готовится.)

Провансальскіе лирики XII и XIII вѣковъ. Переводъ Н. П. Киселева Т. I. Переводы. Т. II. Комментаріи. (Готовится.)

Фридрихъ Шлегель. Люцинда. Съ приложеніемъ писемъ Шлейермахера. Переводъ и вступительная статья Ѳ. А. Степпуна. Готовится.

Пауль Дейссенъ. Веданта и Платонъ въ свѣтѣ Кантовой философіи. Пер. Мих. Сизова. М. 1911. Ц. 40 к.

Шарль Бодлэръ. Стихотворенія въ прозѣ. Переводъ Эллиса. М. 1910. Ц. 1 р.

Антологія. Книга стиховъ. Москва. 1911. Ц. 2 р.

Александръ Блокъ. Собраніе стихотвореній въ трехъ книгахъ.

Книга первая. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. М. 1911. Ц. 2 р.

Книга вторая. Нечаянная Радость. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Книга третья. Снѣжная Ночь. Изданіе 2-е. (Готовится).

Александръ Блокъ. Ночныя Часы. Четвертый сборникъ стиховъ. (1908—1910). М. 1911. Ц. 1 р.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. Книга вторая. М. 1910. Ц. 1 р.

Сергѣй Соловьевъ. Апрѣль. Книга стиховъ. М. 1910. Ц. 2р

Эллисъ. Stigmata. Книга стиховъ. М. 1911. Ц. 2 р.

„Логосъ“. Русское изданіе международнаго ежегодника по философіи культуры. 1910 г. Книга первая. М. 1910. Ц. 2 р.

„Логосъ“. Книга вторая. М. 1910. Ц. 2 р.

„Логосъ“ 1911 г. Книга третья. М 1911. Ц. 2 руб.

Изданія «Орфей».

Яковъ Беме. Aurora или Утренняя Заря въ восхожденіи. Переводъ Алексѣя Петровскаго. (Готовится).

Гимны Орфея. Переводъ Владиміра Нилендера.(Готовится).

Гераклитъ Ефесскій. Фрагменты. Переводъ Владиміра Нилендера. М. 1910. Ц. 1 р.

Рэйсбрукъ Удивительный. Одѣяніе духовнаго брака. Вступительная статья Мориса Мэтерлинка. Переводъ Михаила Сизова. М. 1910. Ц. 2 р.

Рихардъ Вагнеръ. Парсифаль. Переводъ Эллиса. (Готовится).

Лира Новалиса въ переложеніи Вячеслава Иванова. (Готовится). **Мейстеръ Экхартъ.** Проповѣди. Переводъ М. В. Сабашниковой. (Готовится).

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«АЛЬЦІОНА».

Москва, Пречистенскій бульв.,
д. 31, кв. 9.

„Альціона“. Альманахъ на 1911 г. (Готовится).

Андрей Бѣлый. Лугъ зеленый. Книга статей. (Лугъ зеленый.—Символизмъ. — Символизмъ и современное русское искусство.—Настоящее и будущее русской литературы.—Гоголь.—Чеховъ. — Мережковскій. — Сологубъ.— Брюсовъ.—Бальмонтъ.—Апокалипсисъ въ русской поэзіи). М. 1910. Ц. 1 р.

З. Н. Гиппіусъ. Лунные муравьи. Шестая книга разсказовъ. (Лунные муравьи. — Онъ бѣлый. — Женское. — Былъ и такой.—Увѣренная. — Дверь.— Застѣнный. —Нѣтъ возврата. — Земля и Богъ. — Приказчикъ. — Подслушанныя слова). М. 1912. Ц. 1 р.

Сергѣй Клычковъ. Пѣсни. Печаль-Радость, Лада, Бова. М. 1910. Ц. 75 к.

М. Кузминъ. Новый Ролла. Поэма. Иллюстраціи Н. Сапунова. (Готовится).

Борисъ Садовской. Узоръ чугунный. Разсказы. (Черты изъ жизни моей. — Двѣ главы изъ неизданныхъ записокъ. — Петербургская ворожея. — Праздничный день поручика Матрадурова.—Погибшій пловецъ. — Сынъ бѣлокаменной Москвы—Изъ бумагъ князя Г.) М. 1910. Ц. 1 р.

Юрій Сидоровъ. Стихотворенія. Вступительныя статьи А. Бѣлаго, Б. Садовскаго, С. Соловьева. Рисунокъ О. П. Михайловой. Украшенія А. А. Арапова. М. 1910. Ц. 1 р.

Любовь Столица. Лада. Пѣсенникъ. Обложка С. Коненкова. Надписи и украшенія А. Арапова. М. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Листки изъ утраченнаго альбома Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное изданіе рукописи. Стихотворенія А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземскаго, Н. Д. Иванчина-Писарева, кн. П. И. Шаликова, А. Башилова, безъ подписи сочинителя карандашный рисунокъ А. С. Пушкина. (Печатается).

А. С. Пушкинъ. Сужденія о всемірной литературѣ собранныя систематически подъ редакціей и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. (Готовится).

Барбэ Д'Оревильи. Дендизмъ и Джорджъ Брёммель. Вступительная статья М. Кузмина. Переводъ М. А. Петровскаго. (Печатается).

Поль Верлэнъ. Записки вдовца. Вступительная статья Валерія Брюсова. Переводъ С. Я. Рубановича. Портретъ Верлэна работы Н. Гончаровой. Рисунки Валлотона, П. Верлэна, Казальса, Коля и др. М. 1910. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ и Ренэ Гиль. Научная поэзія. Двѣ статьи о цѣляхъ и задачахъ искусства. Переводъ статьи Р. Гиля—Н. Львовой. (Печатается).

Іоаннъ Секундъ. Поцѣлуи. Переводъ съ латинскаго въ стихахъ Сергѣя Соловьева. (Готовится).